

DOI: <https://doi.org/10.51922/1818-426X.2024.4.147>

А. А. Артишевский

СТАНЧО МИЛЕНКОВИЧ МИЛЕНКОВ. ВОСПОМИНАНИЯ О ВЫДАЮЩЕМСЯ УЧЁНОМ И УЧИТЕЛЕ

УО «Белорусский государственный медицинский университет»

Статья посвящена истории развития кафедры гистологии, цитологии и эмбриологии в период с 1952 и до 1969 года. Приводятся сведения о заведующем кафедрой профессоре Миленкове С. М., об основных направлениях научной и педагогической деятельности кафедры в этот период.

Ключевые слова: история, кафедра гистологии, цитологии и эмбриологии, научно-педагогическая деятельность, Миленков С. М.

A. A. Artishevskij

STANCHO MILENKOVIC MILENKOV. MEMORIES OF AN OUTSTANDING SCIENTIST AND TEACHER

The review is dedicated to the history of the histology, cytology and embryology department during 1952–1969. Information about the head of department prof Milenkov S. M., about main directions of the scientific and educational activity is provided.

Key words: history; department of histology, cytology, embryology; scientific and educational activity, Milenkov S. M.

Уважаемый читатель, все мы, начиная с детских лет, знакомясь с историей жизни и творчества выдающихся учёных, писателей, деятелей медицины или других областей науки, невольно задумываемся, почему одни из них исключительно успешны и плодотворны в избранной ими сфере деятельности, а другие – нет. И чаще всего их успех связываем с врождённым талантом человека, или теми обстоятельствами, в которых довелось реализовываться таланту и способностям. Несомненно, встал этот вопрос и в БГМУ в юбилейном 2021 году, когда университет отмечал своё столетие. Слушая выступление нынешнего ректора – члена-корреспондента АН Республики Беларусь профессора С. П. Рубниковича, мы узнали много примеров достойного служения Родине, родному БГМУ. Естественно, мне захотелось рассказать о талантливом гистологе, прославившем республику, под чьим руководством начинался мой путь в гистологию – о Станчо Миленковиче Миленкове (рисунок 1).

Родился С. М. Миленков в Болгарии в 1899 году в бедной крестьянской семье. В 1913 году перед началом Первой Мировой войны приехал на заработки в Россию. Работал на огородах возле Ташкента, там

Рисунок 1. Станчо Миленкович Миленков

Рисунок 2. Доцент С. М. Миленков на практических занятиях со студентами Ташкентского медицинского института (1930-е годы)

и встретил Октябрьскую революцию. В 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию. Служа в армии, в 1923 году окончил вечернее отделение Рабфака. С 1923 по 1929 гг. учился на Медицинском факультете Среднеазиатского Университета. С 1930 год стал ассистентом кафедры гистологии медицинского факультета (рисунок 2) и одновременно учился в ординатуре в кожно-венерологическом институте, где была в высшей степени плодотворная и учебная, и научно-исследовательская работа (рисунок 3). Об этом сви-

детельствует молниеносный научный рост С. М. Миленкова под крылом у двух профессоров: гистолога М. Е. Шляхтина и дерматовенеролога А. И. Картамышева. Звание кандидат медицинских наук Станчо Миленкович получил в 1935 году вместе с документом об окончании ординатуры. Звание доктора медицинских наук присвоено ему спустя два года за результаты исследования кожи при пеллагре в 1937 году.

Конечно, стать доктором медицинских наук в 38 лет С. М. Миленкову помогла советская

Рисунок 3. Станчо Миленкович Миленков (справа во втором ряду) с сотрудниками Среднеазиатского НИИ кожных болезней. 1930-е годы

власть, которая учила и воспитывала его бес-
платно. Большое счастье встретить на жиз-
ненном пути таких мудрых учителей, как
профессоров Шляхтина Е. М. и Картамыше-
ва А. И. Но правда и в том, что без мотивиро-
ванности, терпеливости, настойчивости в до-
стижении цели, исключительного трудолюбия,
острого, наблюдательного и пытливого ума
достичь таких блестящих результатов в науке
невозможно. Логика дальнейшего карьерно-
го роста диктовала стать заведующим кафед-
рой, и Миленков С. М. с 1940 по 1945 год
занимает эту должность в Иркутском меди-
цинском институте (рисунок 4). В время Ве-
ликой отечественной войны в Иркутский ин-
ститут эвакуировались талантливые учёные
из западных областей СССР, в том числе
и наш будущий академик Д. М. Голуб, и у них,
у столичных светил, учился профессор Ми-
ленков читать лекции, проводить исследова-
ния в условиях ограниченных возможностей.
Не случайно, когда он возглавил кафедру ги-
стологии в МГМИ, потребовал от своих бело-
русских коллег посещать занятия и лекции
гистологов всех вузов страны, куда они ездят
в командировки. Также не случайно своим
учителем Станчо Миленковича назовёт вид-
ный сибирский учёный-гистолог профессор
П. В. Дунаев, когда будет стремиться пере-
ехать на работу и жительство из Тюмени
в Минск. Молодой профессор Миленков

в исключительно трудных условиях военно-
го времени овладел мастерством умелого
лектора и учителя, способного в стеснённых
условиях преподавать необходимый объём ба-
зового материала для формирования врачей
военного времени, в которых остро нужда-
лась страна.

В 1945 году профессор Миленков вновь
возвращается в Ташкент, и возглавляет ка-
федру гистологии в родном институте. Таш-
кент – счастливый город для профессора.
Именно в столице Узбекистана он получил
высшее медицинское образование, стал ги-
стологом, кандидатом и доктором наук, гла-
вой семьи, отцом двоих детей, породнился
с видными представителями российской
интеллигенции. Именно в Ташкенте он за-
нялся наукой и сделал свои открытия как
нейрогистолог и дерматовенеролог. После
Иркутска работа в Ташкенте была комфор-
тнее в климатическом отношении и более
успешной в плане подготовки научных кад-
ров. В Ташкенте лучше оборудована кафед-
ра, больше возможностей заниматься наукой.
За семь лет из учеников Станчи Миленкови-
ча выросло три профессора, а затем двое
из них стали академиками.

В Минске в это время кафедру возглав-
лял профессор П. Я. Герке. Он проявил себя
и талантливым лектором, умеющим с по-
мощью мела, доски и доходчивой речи дать

Рисунок 4. Станчо Миленкович Миленков (в центре) с коллективом кафедры гистологии
Иркутского медицинского института (1940 г.)

студентам необходимые знания, и квалифицированным исследователем-эмбриологом, опубликовавшим интересные данные по развитию гипофиза, внутренних органов и миндалин [1]. Активный общественник, с хорошей характеристикой по работе и службе во время эвакуации, он вскоре понадобился руководству СССР для другой работы. Формирование после войны социалистического лагеря потребовало пополнить состав Академии Наук Латвийской ССР надёжными людьми, и руководству Советского Союза порекомендовали послать туда профессора Герке П. Я. Пётр Яковлевич был избран академиком Латвийской Академии наук и назначен директором НИИ экспериментальной и клинической медицины. Конечно, этот важный шаг в плане укрепления латышской науки ослабил гистологическое звено Минской высшей медицинской школы. Поскольку у себя дома не нашлось ему полноценной замены, ректору МГМИ Могилевчику З. К. было разрешено искать претендента на заведывание кафедрой в другой республике, в Москве и Ленинграде. По рекомендации Д. М. Голуба, знавшего С. М. Миленкова по работе в Иркутском медицинском институте в годы войны, было решено пригласить его работать в Минск. Однако он уже работал в должности заведующего кафедрой в Ташкенте, пользовался авторитетом как учёный и педагог, выросший на благодатной узбекской земле. Переговоры, которые велись через брата Давида Моисеевича Голуба (в это время работавшего профессором в Узбекистане), закончились успешно только после того, как Миленкову правительством БССР была предложена ещё и комфортабельная квартира в одном из первых построенных после войны домов на Ленинском проспекте столицы. Занимаясь раскрытием тайн нервной системы, профессор Миленков оставил добрую память о себе в Ташкенте выросшими учениками, совместными научными работами и в области нейрогистологии, и дерматовенерологии, а в педагогике – умением просто, логично и доступно доносить знания до студентов. Можно было бы остаться в городе, где он вырос из огородника в учёного, но Станчо Миленкович загорелся новой

идеей – используя грядущий бум строительства разрушенного Минска, создать идеальную гистологическую кафедру в возрождающемся из пепла белорусском институте.

Первая встреча с минской кафедрой оставила у Миленкова грустное впечатление. Всего три комнаты для преподавателей и три аудитории для групповых занятий студентов, оборудованные случайными столами и стульями, расположенными в наспех и не очень качественно восстановленном анатомическом корпусе на втором этаже. Ещё одну аудиторию, четвёртую, кафедра делит с кафедрой биологии, расположенной рядом. Специального помещения, как и самой научной гистологической лаборатории, фактически нет. Из кадрового состава только один человек имеет степень кандидата наук – Кравцов Михаил Павлович, да и тот не гистолог, а офтальмолог, недавно защитившийся и перешедший работать на кафедру. Из разговора с ним выяснилось, что он настроен не столько осваивать предмет, сколько делать докторскую диссертацию. Ещё три человека Э. И. Можджер, Л. П. Книга, А. И. Ювченко работают над выполнением кандидатских диссертаций под руководством уехавшего в Ригу академика П. Я. Герке. Стало ясно – требуется многое перестраивать или создавать заново. Ещё одна проблема – и в ректорате, и в парткоме, и в учёном совете гистологию заслоняет анатомия и авторитет Д. М. Голуба. Рекомендуемого им Миленкова С. М. восприняли приветливо, но Станчо Миленкович остро почувствовал превосходство анатомической науки. Станчо Миленкович все силы бросил на улучшение материальной базы кафедры. Как результат – в течение первых же лет приобретение оборудования, техники, мебели. Отдельный разговор с ректором состоялся в отношении выделения учебной аудитории под научную лабораторию, и под нажимом Миленкова С. М. решился тоже.

Перемены не заставили себя долго ждать, и новый заведующий вводит на кафедре новые правила. Все преподаватели кафедры должны посещать лекции; а, бывая в командировках, собирать и привозить конспекты лекций родственных кафедр, реактивы и прописи гистологических методик. Перед

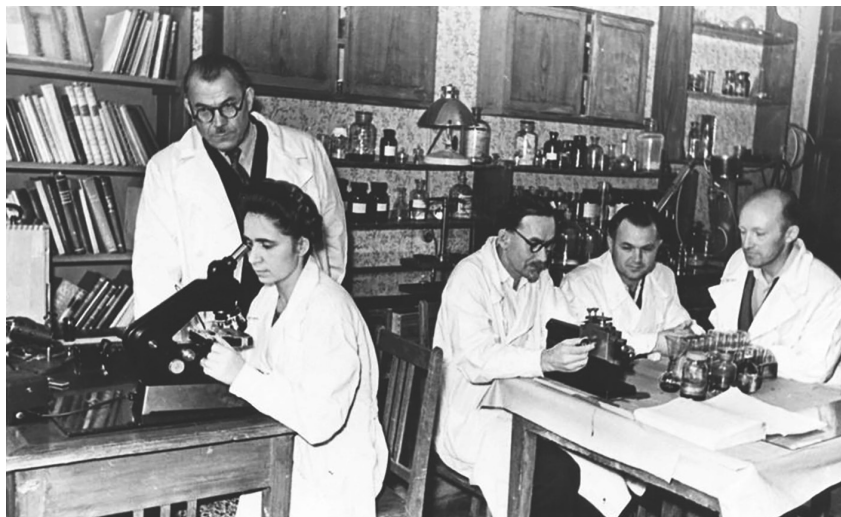

Рисунок 5. Под руководством С. М. Миленкова кафедра работает над изготовлением препаратов. Рядом с проф. Миленковым – Л. П. Книга. За соседним столом (слева направо): Л. И. Красовский, М. П. Кравцов

каждой новой темой занятий профессор проверял, как его сотрудники планируют преподнести её студентам. Станчо Миленкович требовал от преподавателей умения зарисовать препарат с демонстрационного микроскопа и научить этому студентов. Каждый преподаватель должен был полностью освоить методики изготовления любого учебного гистологического препарата от начала и до конца, а персональный научный материал аспиранты должны доводить до препарата своими руками (рисунок 5). Все планы по улучшению преподавания и проведению научных исследований должны обсуждаться всем коллективом. В научные статьи профессор включал себя соавтором, только тогда, когда принимал участие в их подготовке.

После того, как на стол ректора легла докладная записка профессора Миленкова С. М. о слабых местах материальной базы и предложениях по улучшению дел на вверенной ему кафедре, были созданы планы на перспективу и приняты люди в аспирантуру. Станчо Миленкович считал, что посещение научных конференций – дело обязательное для молодых ассистентов и аспирантов. «Аспирант не курица, в собственном соку из него ценной и вкусной пищи не получишь» – повторял он и направлял нас на конференции в Каунас, Москву, Ленинград или Тбилиси (рисунки 6–9). Понятно, большинство поездок не оплачивались. Помню, уже на первом году аспирантуры, под нажимом шефа я вместе с аспирантом и будущим профессором

Рисунок 6. Конференция в г. Каунасе. Проф. С. М. Миленков, проф. Д. М. Голуб с коллегами

Рисунок 7. Конференция в Каунасе. 2-й – проф. С. М. Миленков (Минск)

Рисунок 8. Конференция в Каунасе. Проф. С. М. Миленков с коллегами

Рисунок 9. Ленинград. Проф. Колосов с проф. С. М. Миленковым

института цитологии Академии наук Г. В. Красковским я отправился в Москву. Целый день мы промучились, чтобы устроиться в гостиницу, поскольку принимали только участников форума, а у нас никакого официального приглашения не было. Только вечером нас пустили в вестибюль отеля «Якорь» переночевать, сидя в креслах. На завтра в институте мозга проф. Миленков усадил нас рядом с собой и рассказывал про докладчиков конференции. Так я впервые увидел П. К. Анохина, В. В. Португалова, В. Г. Елисеева, А. Г. Кнорре, Л. С. Сутулова и других звёзд советской науки. В перерыве, когда к профессору Миленкову подходили известные профессора и академики, Станча Миленкович, представляя меня, аспиранта, говорил: «Он очень удачно выявляет аппарат Гольджи в клетках спинного ганглия» Все смотрели на меня, а я начинал думать, что, видимо аппарат Гольджи и будет началом моей работы над диссертацией. По совету профессора Португалова мы поехали в Московский Университет на Ленинских горах на доклад венгерского профессора Унгара. Профессор проводил исследования на планариях, у которых вызывал устойчивый условный рефлекс. А дальше слушателей ждала сенсация! Если «обученных» планарий превращали в гомогенат, которым кормили контрольных планарий, то и последние приобретали навыки обученных. Тогда впервые было выяснено, что память – материальный субстрат.

Благодаря тесным отношениям Станчи Миленковича с профессором С. И. Щелкуновым сотрудники кафедры гистологии МГМИ длительное время были постоянными участниками научных конференций, которые устраивали в Военно-Медицинской Академии. Нас там хорошо встречали, включали в программы конференции. Кроме того, зимой мы, молодёжь стремились побывать в чудесных музеях Ленинграда, а летом – посетить пригороды Северной Столицы. Честно говоря, Станчо Миленкович сначала был не доволен, что мы тратим на музеи много времени, но после того, как профессор М. И. Зазыбин, которому он пожаловался, поддержал не его, а нас, шеф начал иногда присоединяться к нашей компании. Остались в памяти

походы в Мариинку, Русский музей, поездки в Петергоф. В неформальной обстановке мы лучше узнали шефа как человека: простого жизнелюба, нетребовательного к комфорту и еде. Смотрели на него и соглашались со знаменитым Мишелем Ментенем, что характерная примета мудрости – это неизменно радостное восприятие жизни.

Напряженная работа, выезды на конференции привели к научному триумфу – в 1958 году Станчо Миленкович Миленков представил научный доклад «О компенсаторно-приспособительных реакциях периферической нервной системы», который был оценён настолько высоко, что стал главным пленарным докладом VI Всесоюзного съезда морфологов в Киеве. Сформулированная автором концепция и понятия компенсации и приспособления получили широкое одобрение и признание, имели огромный резонанс в мире [2]. Дело в том, что и проблема, и объект исследования тогда были в центре внимания всех ведущих морфологических лабораторий не только Советского Союза, но и мира, а слава нашла прописку на кафедре гистологии МГМИ! Гордость, ревность и зависть сопровождали этот триумф С. М. Миленкова. Многие исследователи работали над подобной тематикой, но Станчо Миленкович смог увидеть результат, сформулировать вывод и достойно представить его. «Триумфатор», вместо того чтобы успокоиться, начал задумываться о том, чтобы поменять объект исследований и объединить изучение морфологические тайн нервной системы вместе с эндокринными и иммунными регуляторами.

...Из очередной загранпоездки С. М. Миленкова ждали. И вот он помолодевший и ещё более загоревший и подтянутый с двумя упаковками в руках. Лаборантки окружили его как мухи. Традиционные вопросы про поездку и погоду, условия проживания и цены на продукты и товары, зарплату, казалось, им не будет конца. А взгляды всё чаще задерживались на принесённых им упаковках. Тогда все, кто попадал за границу, стремились привезти одежду, или обувь, другой дефицит. Но подарки Миленкова аспирантам содержали реактивы, гистологические красители и американский учебник гистологии

Рисунок 10. С. М. Миленков с коллегами из Югославии

Блюма и Фавсета. Оказалось, на конференции в Югославии он продавался на валюту и стоил 42 доллара. Видя, что учебник очень понравился Миленкову, югославские гистологи купили учебник и подарили, поставив условие: по возвращении в Советский Союз он вышлет им в Белград советскую научную литературу на аналогичную сумму (рисунок 10). Мы с А. В. Пищинским в тот раз отослали в Белград три большие посылки с книгами.

С. М. Миленков потребовал, чтобы лучшая часть кафедры, куда вошли ассистенты Л. П. Книга, М. П. Кравцов, А. И. Ювченко и аспирант Л. И. Красовский, показала на деле, а не на словах, что предпринимают

серьёзные усилия по повышению качества работы, готовя препараты на полутонких срезах. Гистологи понимали, что изготовление таких препаратов хотя и не «космос», но свидетельство приличного уровня лаборатории. Однако эта техническая работа тогда не вдохновила, а напрягла участников. В партком поступило заявление от ассистента Кравцова М. П., что заведующий кафедрой, нагружая его примитивной технической работой, мешает дальнейшему научному росту. В разговорах это же подтвердил и Ювченко А. И. Чтобы понять, что происходит, охарактеризую участников (рисунок 11). Ювченко А. И. – майор медицинской службы, ветеран ВОВ,

Рисунок 11. Кафедра гистологии, цитологии и эмбриологии (1954). 1-й ряд: А. И. Ювченко, Р. М. Шапиро, С. М. Миленков, Л. П. Книга, Д. С. Цвик; 2-й ряд: В. И. Низовцов, Л. И. Красовский, М. П. Кравцов, препараты

участник Сталинградской битвы, врач танкового полка, завершает работу над кандидатской диссертацией под руководством уехавшего в Ригу П. Я. Герке. В совершенстве владеет гистологической техникой, освоил изготовление стеклянных ножей для получения ультратонких срезов. Кравцов М. П. – майор, всю ВОВ служил в тылу, командовал батальоном во внутренних войсках, уже кандидат медицинских наук, перешёл на гистологию из кафедры офтальмологии с целью написания докторской диссертации. Не намерен тратить время на выполнение другой работы, хотя диссертация ещё не запланирована. Красовский Л. И. – аспирант, ветеран ВОВ и войны с Японией, служил артиллеристом в дивизионе «Катюш» на пяти фронтах, также жалеет тратить время на работу не над кандидатской диссертацией; Книга Л. П. уже завершила диссертационную работу под руководством Герке П. Я. и уже кандидат наук. Позиция этих заслуженных по военным меркам людей возымела результат. Секретарь парткома института Антонов И. П., недавний начальник политотдела дивизии, готов рассмотреть ситуацию на заседании парткома и принять решительные меры, поскольку подобное отрицательное мнение об обязательном для всех сотрудников кафедры овладении гистологическими методиками высказала и внештатный пропагандист Минского Обкома компартии ассистент кафедры гистологии Д. С. Цвик. Но новый ректор института профессор И. М. Стельмашонок отметил, что Миленков С. М. «стремится поднять уровень научных исследований и планирует на кафедре вместо случайных диссертаций, выполненных клиницистами, разрабатывать единую тематику по раскрытию механизмов эндокринной и иммунной регуляции деятельности организма».

Стороны конфликта – уважаемые люди, увлечённые борьбой, заняли непримиримые позиции. Конечно, это требовало вмешательства сверху. Страсти в конце концов, так накалились, что через некоторое время вопрос пришлось решать на уровне Минздрава – на кафедре патологической анатомии создали специальную лабораторию по изучению патологической перинатологии, которую пред-

ложили возглавить М. П. Кравцову – одному из оппонентов Миленкова С. М. Там Михаил Петрович получил звание доцента и защитил докторскую диссертацию по структуре надпочечных желёз при перинатальной патологии. Другому оппоненту – А. И. Ювченко, который блестяще защитил диссертацию по синапсам мозга в городе Риге, Министерство здравоохранения предложило переезд на работу в только что созданный Гродненский медицинский институт.

Успешная работа академика П. Я. Герке в Латвии вероятно подсказала руководству республики решение и в отношении самого Миленкова С. М. Ему предложили переехать на работу в Болгарию, где были нужны люди, воспитанные в советском духе и готовые быть надёжной опорой социализма. Не очень радостный заведующий кафедрой стал подыскивать научных руководителей для выполняемых кандидатских диссертаций: моей и Андрея Васильевича Пищинского [3]. Предполагалось, что руководить моей работой будет Юрий Валентинович Гулькевич, а работой Пищинского А. В. – член-корреспондент АМН СССР профессор В. В. Португалов.

Я понимал, что новый шеф – это новые идеи и требования, другое видение проблемы. К тому времени я уже написал черновой вариант диссертации. Поднажав, я на третьем году аспирантуры положил шефу на стол черновой вариант работы. Решив, что я, пользуясь цейтнотом, подсунул ему «липу», шеф начал придирается к формальностям. Поскольку все его замечания я исправлял за ночь, распорядился отнести мою работу Ю. В. Гулькевичу, а тот, в ожидании окончательного решения о руководстве аспирантом, положил диссертацию в долгий ящик. Так работа пролежала без движения год.

Проработав недолгое время в Болгарии (рисунок 12), мой руководитель возвратился на работу в Минск. Я забрал диссертацию от Гулькевича Ю. В. и вскоре защитил её (рисунок 13). Сразу же проф. Миленков С. М. посоветовал искать более совершенные методы исследования, получаемого мною уникального клинического материала. Так встал вопрос о проведении экспериментальных исследований с плодовыми надпочечниками,

Рисунок 12. Академия наук Болгарии: акад. Хаджиолов представляет профессора С. М. Миленкова

Рисунок 14. Ученица проф. С. М. Миленкова – асс. Е. И. Большова на практическом занятии

Рисунок 13. Ученик проф. С. М. Миленкова – асс. А. А. Артишевский (за микроскопом – препаратор Г. М. Щигель)

об их консервации, приживлении, гормональных потенциях, брефопластике.

...Аспирантам, как известно, доверяют проводить со студентами практические занятия. Станчо Миленкович разрешал делать это только под его неусыпным контролем. Он был талантливым педагогом и с завидной лёгкостью мог объяснить структуру в простой понятной схеме. Думаю, что не преувеличу, если скажу, что при С. М. Миленкове мы, его аспиранты и молодые ассистенты, потратили огромное количество времени, зарисовывая препараты под его присмотром. Шеф объяснял, что понять, как построен орган, можно только после правильной его за-

рисовки. Когда мы, преподаватели, пробовали винить студентов за недостаточно глубокие знания, шеф спокойно отвечал: нужно лучше учить, и главное – не наказом, а показом. Шеф лично занимался с молодыми ассистентами и аспирантами отрабатывая технику зарисовок почек, селезёнки, лёгких, кожи, других органов накануне их изучения студентами. Имея природную склонность к рисованию, среди нас выделялась дочь ректора и сестра народного художника БССР В. И. Стельмашонка – Евгения Ивановна Большова (рисунок 14). Именно её рисунки отличались не только правильной структурой, но и безупречным выполнением. Благодаря таланту Евгении Ивановны уже после смерти Миленкова С. М. мы создали учебное пособие «Практикум», которым может гордиться кафедра. Оно оказалось настолько удобным, что нашим опытом воспользовались все кафедры института, создав подобные пособия на различных кафедрах.

Сегодня, к сожалению, по разным причинам рисунки потеряли тот уровень. Во-первых, из-за резкого увеличения объёма информации, который необходимо усвоить за короткий промежуток времени; во-вторых, рисунок стал замещаться цифровой фотографией, препарата в-третьих, молодое поколение теряет навык рисования, а в-четвертых, то, что раньше помогало, сейчас мешает: незаменимое учебное пособие во многом формализует и упрощает выполнение зарисовок. Но остаётся факт, что сегодня на экзамене в студенческом практикуме не отыщешь ни одного рисунка, который бы удовлетворил

Станчо Миленковича. Он сам отлично рисовал и требовал того же от подчинённых.

Лекции Миленкова были краткие, яркие, читались образно. Аспирантам также поручалось подготовить лекцию, на которую ходила вся кафедра. В обсуждении принимали участие все преподаватели. Вспоминая добрым словом Миленкова С. М., его ученики подтвердят, что шеф много времени отдавал аспирантам, но и сам любил учиться. Во время любой командировки в Москву, Ленинград или Киев он обязательно слушал лекции видных гистологов или посещал занятия. А потом с восхищением рассказывал, например, про лекцию проф. Л. И. Фалина по развитию лица и зубов (текст которой он распечатал каждому из своих аспирантов), проф. А. Г. Кнорре – по проблемам эмбриогенеза, или проф. В. Г. Елисеева – по рыхлой соединительной ткани.

Побывав в Болгарии и Югославии, ознакомившись с условиями работы гистологов в Прибалтике, Миленков С. М. с завистью вспоминал, что «они обеспечиваются лучше нас». После одной из поездок возвратился с красивым лаковым пеналом для гистологических препаратов и с восхищением начал демонстрировать на кафедре. Помня, что на втором курсе у нас учится дочь главного врача 1-й Борисовской больницы, которого я хорошо знал, работая начальником сектора кадров Минского Облздравотдела, я предложил заведующему попробовать заказать такие пеналы на фабрике пианино в Борисове. Отец студентки через неделю привёз два похожих пенала. На кафедре очень понравились эти образцы. Тогда профессор Миленков С. М. просили ректора института А. А. Ключарёва оформить заказ на фабрику от МГМИ на изготовление гистологических столов и шкафов, которые ещё и сегодня стоят на кафедре.

Стараниями С. М. Миленкова кабинеты преподавателей превратились в рабочие лаборатории. Каждый обязан был что-то красить, выявлять, совершенствовать. В каждом кабинете – полки над столами, а на них – батареи для проводки и окраски препаратов. Поскольку технологии обработки материала отличались по многим параметрам (по спо-

кам, температурным и другим режимам), приходилось и в перерывах между группами, и после занятий приходить на кафедру перекладывать материал по батарее, или просить об этом тех, кто в это время работает. И аспиранты, и молодые сотрудники, и студенты вместе с шефом что-то исследовали, красили, писали, обсуждали. Заведующий кафедрой еженедельно проверял, что нового сделано молодыми сотрудниками по повышению уровня преподавания, по научной работе. Было обычным делом, что освещение на кафедре гистологии не гасло до одиннадцати вечера, а нередко, когда требует дело, и до рассвета. Упорным трудом были освоены и усовершенствованы многие методики выявления различных структур и веществ. Не удивительно поэтому, что именно Миленков С. М. по праву считается основоположником гистохимических методов исследования в Беларуси (рисунок 15).

Нельзя не упомянуть о том, как в те годы назначались преподаватели на должность доцента. Сегодня – это вопрос скорее формальный, а в те годы получить должность, а потом и звание доцента означало огромный карьерный рывок и существенную финансовую добавку. Не приветствовалось, если на кафедре на доцентскую должность переводили несколько сотрудников одновременно. Поэтому в институте очень ревниво относились к переводу на должность доцента, зачастую переводя перспективных сотрудников

Рисунок 15. Академик АН Латвийской ССР П. Я. Герке (заведующий кафедрой гистологии, цитологии и эмбриологии в 1934–1952 гг.) интересуется успехами в гистохимических исследованиях. Справа – проф. Д. М. Голуб, проф. С. М. Миленков

Рисунок 16. Член-корреспондент АМН СССР Н. С. Мисюк, акад. И. Д. Мишенин, проф. С. М. Миленков, проф. Т. Е. Гнилорыбов, академик И. П. Антонов

на те кафедры или даже в другие ВУЗы, где было меньше подготовленных преподавателей. Именно поэтому с кафедры анатомии на гистологию был переведен на должность доцента Лайков А. Г. – участник войны, член партии. Но на кафедре гистологии уже защитились и претендовали на эту должность Л. П. Книга, а также и я. Тогда профессор Миленков С. М. согласился принять на должность доцента Лайкова А. Г. с условием, если аналогичную должность дадут и мне. В это же время руководство педагогического института имени М. Танка пригласило меня возглавить доцентский курс по гистологии. Я пошёл в пединститут и порекомендовал вместо себя Л. П. Книгу. Она написала заявление и была там избрана доцентом.

Профессор Миленков С. М. мечтал о том, что возьмёт ещё аспирантов и создаст перспективное научное направление – гистофизиологию эндокринной системы эмбриона и плода. Искренний и открытый, он никогда не скрывал своих научных планов: рассказывал о новых находках в гипоталамусе, высказывал новаторские, по тому времени, предположения о связи между гипоталамусом, гипофизом, надпочечниками, поджелудочной железой и тимусом. Он старался быть истинным гистологом – связать структуру с функцией. Рассматривая фотографии тех лет, я понимаю, почему он поддерживал

научные и дружеские связи с клиницистами и физиологами – его интересовала гистофизиология [4] (рисунок 16). Сказалась на его жизненной философии и то, что он в молодости работал врачом, а в зрелые годы тесно дружил с белорусским патофизиологом профессором Александром Юлиановичем Броновицким (рисунок 17). Не сомневаюсь, что именно профессор Броновицкий А. Ю., занимавшийся экспериментальными работами по изоляции органов чувств от внешних раздражителей, внёс свою лепту в понимание адаптивной реакции нервной системы. Увидев, что у нас с Андреем Пищинским (рисунок 18) получаются интересные результаты по пересадке зародышевых эндокринных желёз, нашёл время, чтобы переговорить

Рисунок 17. Проф. А. Ю. Броновицкий

Рисунок 18. Ученик проф. С. М. Миленкова – асс. А. В. Пищинский на практическом занятии

с проф. Т. Е. Гниларыбовым, который был главным трансплантологом Белоруссии, и уговорил его стать консультантом по нашим докторским диссертационным работам (рисунок 19). К сожалению, из-за слабого здоровья А. В. Пищинский планировать диссертацию отказался. От меня шеф стал требовать отчёт о выполнении плана выполнения диссертации еженедельно, и каждый раз подгонял он. Его начала преследовать мысль, что он не успеет осуществить задуманное. В ответ на наше возражение, что он в хорошей форме и ещё успеет многое сделать, злился: «Не увековечить себя хочу, а поднять на новый, более высокий уровень и гистологическую науку Белоруссии, и преподавание

гистологии». А при всём при этом, Станчо Миленкович ещё и лично исследовал ядра гипоталамуса, необычную близость нейросекреторных клеток с гемокапиллярами.

К сожалению, действительно, не всем планам Станчо Миленковича удалось осуществиться. В один октябрьский день, в середине дня в субботу, в доцентскую зашла старший лаборант кафедры и попросила зайти к профессору. Станчо Миленкович сидел за своим огромным столом и переключал какие-то бумаги. Предложив мне сесть на диван, что стоял перед столом, произнёс: «В понедельник будешь читать лекцию по женской половой системе лечебному факультету». Мою попытку отказаться, поскольку эту тему ещё не читал, не дослушав, прервал: «Что-то поджигает сердце...». Вначале он отказался от скорой помощи, а попросил просто посидеть и поговорить с ним. Но потом, зная, что моя жена работает на скорой помощи в лечкомиссии, в конце концов решил: «Пусть она придет и измеряет давление». Но узнав, что жена находится на больничном, отменил это решение. Минут через сорок сообщил, что ему полегчало и он хочет пойти домой. Я уговорил зайти по дороге в лечкомиссию. Поскольку ехать на такси или троллейбусе он отказался, мы медленным шагом прошли до Красноармейской улицы, где располагалась лечкомиссия. Там измеряли давление,

Рисунок 19. Участники конференции трансплантологов СССР в гостях у проф. Т. Е. Гниларыбова (третий слева). Справа – проф. Н. Е. Савченко

Рисунок 20. Проф. Станчо Миленкович
Миленков

сняли электрокардиограмму и успокоили профессора, отпустив домой. Я проводил его до дома на Ленинском проспекте, где мы и распрощались. Из сотрудников кафедры я был последним, кто его видел живым. Ночью Станчи Миленковича не стало.

Пройдя бок о бок с профессором Станчо Миленковичем Миленковым (рисунок 20) путь от аспиранта до доцента, сдав ему экзамены на звание «преподаватель», «гистолог», «лектор», «исследователь», начинаешь понимать, почему судьбе было угодно решить, чтобы именно С. М. Миленков «...впервые в мире обнаружил и описал чувствительные нервы солнечного сплетения и чувствительную иннервацию пищевода», «...впервые обнаружил и описал гистохимические изменения

в эпидермисе и дерме при пеллагре»; «...впервые сформулировал понятие компенсаторно-приспособительных реакциях органов нервной системы, признанное в мире», «...разработал методику окраски нейросекреторных клеток гипоталамуса и получил на неё авторское свидетельство». Только такой человек – целеустремленный, открытый и в жизни, и в науке, прозорливый и обладающий научной интуицией мог пройти такой трудный и достойный путь, оставить своё имя в истории кафедры, института, страны.

Литература

1. Миленков, С. М. О субстратах афферентных связей гипофиза с гипоталамусом / В кн.: Морфология процессов адаптации клеток и тканей. – М.: 1-й МОЛМИ им. Сеченова, 1971. – С. 165–168.
2. Вклад профессора С. М. Миленкова в развитие гистологии в БССР / В кн.: Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР. – Минск, 1984. – С. 23–24.
3. Арцішэўскі, А. А. Дзве зоркі на небасхіле беларускай марфалогіі / В кн.: Достижения и инновации в современной морфологии. – Минск: БГМУ, 2016. – С. 13–17.
4. К 70-летию со дня рождения Ю. И. Афанасьева: сб. науч. работ. – М.: ФНПП «Ретиноиды», 1998. – 98 с.

References

1. Milenkov, S. M. O substratah afferentnyh svyazey gipofiza s gipotalamusom / V kn.: Morfologiya processov adaptatsii kletok i tkanej. – M.: 1-j MOLMI im. Sechenova, 1971. – S. 165–168.
2. Vklad professora S. M. Milenkova v razvitie gistologii v BSSR / V kn.: Voprosy istorii mediciny i zdavoohraneniya BSSR. – Minsk, 1984. – S. 23–24.
3. Artsishevski, A. A. Dzve zorki na nebaskhile belaruskaj marfalogii / V kn.: Dostizheniya i innovacii v sovremennoj morfologii. – Minsk: BGMU, 2016. – S. 13–17.
4. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. I. Afanas'eva: sbornik nauchnyh rabot. – M.: FNPP «Retinoidy», 1998. – 98 s.

Поступила 14.06.2024 г.